

ЕЛЕНА
МИХАЛКОВА

ГЛАВА 1

Девушка начала со лжи. По телефону она заверила, что речь пойдет о поисках пропавшего человека.

К чашке кофе, которую Сергей Бабкин поставил перед ней, она так и не притронулась, хотя до этого сдержанно кивнула в ответ на вопрос Илюшина.

Строгое платье до щиколоток, синий жакет. Скрученная в низкий тяжелый узел на затылке темно-каштановая коса, легчайшие завитки выбившихся волос ореолом вокруг бледного лица. Под густыми бровями миндалевидные черные глаза. Перед ними сидело живое воплощение принцессы Жасмин.

— Картины? — недоверчиво переспросил Илюшин. Бабкин покосился на него: Макара тоже поразили красота и требовательность их гости.

— Два полотна одинакового размера, сто на восемьдесят. — Она сидела неподвижно, сложив руки на коленях. — Исчезли из музея в ночь после выставки.

— Мы специализируемся на поиске пропавших людей. — Макар говорил мягко, но Сергей знал: Илюшин не выносит лгущих клиентов. — Почему вы пришли к нам, Анаит... простите, как ваше отчество?

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

— Анаит Робертовна, но лучше просто Анаит. — Упрямое движение маленького подбородка. — Вас хочет нанять художник, автор картин. Я выполняю его поручение.

«А спеси у тебя, милая, столько, будто ты эти поручения раздаешь».

— Расскажу вам детали... — начала девушка.

Илюшин отрицательно покачал головой.

— Мы специализируемся на поиске пропавших людей, — повторил он.

— Я понимаю. Вопрос гонорара обсуждаем!

— Боюсь, здесь нечего обсуждать...

— Игорь Матвеевич согласен на коэффициент «два» к вашему обычному вознаграждению...

— Не в этом дело...

— Выставка проходила с пятницы по воскресенье в Музее провинциального искусства, — упрямо начала она, будто не слыша. — Под нее были отведены четыре зала, эти картины висели в первом. Когда все закончилось, их сняли, упаковали и спустили в хранилище, из которого украли в ту же ночь...

— Вы напрасно тратите время на эти подробности. — Илюшин поднялся. — Это нужно рассказывать следователю, который ведет дело.

— От официального расследования нет никакого результата! — Она продолжала сидеть, словно не понимая, что ее выпроваживают.

— Мы ничем не можем помочь.

— Но послушайте!..

— Простите, мы вынуждены отказаться. — Илюшин сделал шаг к двери, и это было уже недвусмысленным завершением разговора. — Если картины действительно украдены, их поиском занимаются...

Он осекся. Чтобы Макар замолчал на полуслове, требовалась веская причина. Пару раз в своей жизни Сергей Бабкин думал — с некоторой обреченностью, — что, даже если он свернет напарнику голову, тот все равно про-

ТИГРОВЫЙ, ЧЕРНЫЙ, ЗОЛОТОЙ

должит вещать. Поэтому он насторожился и уставился на Илюшина. Первая его мысль была о сердечном приступе.

Однако Макар за сердце не хватался и на бок не заваливался. Он нахмурился, и только тогда Бабкин догадался перевести взгляд на девушку.

Она пыталась не расплакаться. В глазах набухли слезы, бледное лицо расцвело алыми пятнами. Она быстро сморгнула, и слезы хлынули ручьем. Восточная ее горделивая красота размылась, будто акварель, на которую плеснули водой, и перед ними оказалась несчастная, потерявшая самообладание девочка, совсем юная и растерянная.

Бабкин при виде плачущей женщины испытывал ощущение, очень похожее на тянущую зубную боль в сердце.

Илюшин же при виде плачущей женщины раздражался, потому что подозревал нехитрую манипуляцию. Но сейчас интуиция подсказывала, что никто не пытается таким образом добиться от них желаемого; более того, он запоздало понял, что все это время красавица держалась из последних сил, а высокомерной выглядела из-за скованности и смущения.

Чувство раскаяния Илюшину было чуждо. Однако он стремился восстановить собственный душевный комфорт, а для этого требовалось, чтобы бедный ребенок — теперь Макару казалось, что ей от силы лет восемнадцать, — перестал рыдать.

Поэтому оба забегали вокруг нее. Сергей при этом невнятно гудел, а Илюшин ворковал что-то утешительное. Однако конец слезам положило не их хлопотание, а то, что Бабкин в конце концов отдал Илюшину ногу и Макар приглушенно взвыл.

— ...с грацией молодого бегемота, — пробормотал он.

— А ты не стой под стрелой! — огрызнулся уязвленный Сергей. — А то мечешься, понимаешь, как бабочка-капустница!

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

Девушка сквозь слезы уставилась на них, и оба спохватились, что привычная перепалка происходит на глазах у посторонних.

— Вы почему кофе не пьете? — спросил Макар.

— Я сегодня уже три чашки выпила! — всхлипнула Анаит. — Не могу больше.

Бабкин сунул ей коробку с салфетками. Макар придвинул стул и сел рядом.

— Хорошо, с кофе разобрались. — Он говорил с таким видом, словно вопрос о напитке всерьез его беспокоил. — Теперь объясните, что с картинами. Ну, украли. Полиция найдет. В чем сложность? Это ведь не Ренуар?

Анаит покачала головой:

— Работы исчезли в ночь с воскресенья на понедельник, сегодня пятница. Никто не ищет. Сотрудник полиции приходил в музей, расспрашивал. Но больше ничего не произошло. Ах да, посмотрели видео с камеры...

— И что на видео? — заинтересовался Бабкин.

— Какой-то человек выносит упакованные картины с черного хода около шести утра, грузит в «Газель» и уезжает. Я сама не видела запись, мне рассказали в музее... Номера заляпаны грязью, а сам человек в таком, знаете... — Она провела ладонью перед лицом.

— Балаклава.

Девушка вытерла слезы и попыталась напустить на себя прежний независимый вид.

— А что с охраной? Почему сигнализация не сработала? — спросил Бабкин.

— Ее включают, только когда нет сторожа. А сторож был. Спал и ничего не слышал...

Анаит, кажется, снова готовилась заплакать. Но при этом встала и принялась озираться, ища сумочку. Щеки ее покраснели уже не от слез, а от стыда. Илюшин ясно видел, что ей неловко за свою несдержанность и она не собирается пользоваться их растерянностью, а хочет только сбежать, раз ей отказали.

ТИГРОВЫЙ, ЧЕРНЫЙ, ЗОЛОТОЙ

Он взглянул на Сергея и едва не расхохотался. Бабкин выглядел как медведь, сожравший несвежего тюленя. На мрачной его физиономии были написаны сожаление о содеянном и тоска при мысли о том, какая расплата за это предстоит.

Иными словами, напарник уже все для себя решил.

«Ну, картины так картины», — пожал мысленно плечами Макар Илюшин.

В конце концов, он отказал девице в основном из-за неверно взятого ею тона и бессмысленного вранья. Дел у них сейчас не было. За предыдущее им заплатили в двадцать раз меньше, чем стоило расследование. Правда, они с Сергеем получили моральное удовлетворение¹. Но «коэффициент», о котором упомянула барышня, пришелся бы очень кстати.

У него была и еще одна причина взяться именно за это дело.

— Присядьте, Анаит, — со вздохом сказал он. — Сережа, завари нам, пожалуйста, черный чай. Я надеюсь, чай с лимоном вы будете?

Девушка взглянула на Макара. Заплаканное лицо осветилось неуверенной надеждой.

— И булочкой, — пробасил Бабкин, который внезапно обрадовался непонятно чему.

.....

Анаит Давоян работала ни больше ни меньше как советником по культуре у предпринимателя Игоря Бурмистрова.

— У Игоря Матвеевича есть и личный секретарь, — пояснила она. — В мою сферу обязанностей входит только поддержка его художественной деятельности.

Игорь Матвеевич для заработка продавал сантехнику, а для души писал картины. Вот уже год он состоял членом

¹ Это расследование описано в детективе «Лягушачий король».

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

Имперского союза художников. Это творческое объединение живописцев и графиков проводило регулярные выставки, арендуя залы музеев или других подходящих площадок.

Музей провинциального искусства, по словам Анаит, был одним из постоянных партнеров Имперского союза. В этот раз для выставки Бурмистров предложил два своих лучших полотна, над которыми он работал последние месяцы. Спустя пару недель картинам предстояло отправиться в Амстердам, в одну из крупных местных галерей.

— Это большое событие для Игоря Матвеевича, — говорила Анаит. — Он гордился тем, что из всех членов союза Ясинский выбрал именно его работы.

Бабкин записал новое имя.

— Адам Брониславович Ясинский — глава союза, — пояснила Анаит. — Фактически Ясинский и организовал его семь или восемь лет назад.

— Он художник?

— Нет. Я знаю только, что он прежде работал в Министерстве культуры. Возглавлял какой-то фонд или отдел.

Сергей быстро записывал: «Музей. Охранник. Камеры. Машина». Сперва побеседовать с охранником. Крепко же тот спал, если похититель пробрался в хранилище, открыл его — каким образом, кстати? — и преспокойно вытащил картины, причем проделал это дважды. Феерической наглостью отдавало это предприятие, наглостью и разгильдяйством.

В принципе, думал он, идеальное сочетание для преступления. Взять хоть ограбление музея Изабеллы Стюарт Гарднер. Общая цена похищенного — больше пятисот миллионов долларов, и с девяностого года ни намек на личности преступников, равно как и на картины. Правда, ФБР называло имена похитителей, но что толку, если полотна так и не были возвращены.

Два злоумышленника.

Поразительная простота сценария преступления.

ТИГРОВЫЙ, ЧЕРНЫЙ, ЗОЛОТОЙ

И разгильдяйство, сделавшее возможным его осуществление.

— Сколько могут стоить украденные картины? — спросил Макар.

Анаит растерялась. Не совсем уверенно она ответила, что это зависит от многих факторов, сам художник не оценивал свои работы, возможно, выставка в Амстердаме многое прояснила бы...

— Ну, хоть порядок цен? — вмешался Бабкин.

Ему хотелось понимать, ради чего весь сыр-бор. Но Анаит, собравшись, объяснила, что определить это не представляется возможным. Картины имеют огромную ценность для Бурмистрова, однако в денежный эквивалент он ее не переводил.

— Можно увидеть сами работы? — попросил Илюшин.

Анаит вынула из сумки две фотографии альбомного формата и без слов положила на стол. Бабкин подошел, уставился на верхний лист.

— Это яичница с помидорами? — с неподдельным интересом спросил Макар.

— Работа называется «Бенгальские тигры», — сдержанно ответила Анаит.

Бабкин издал горловой звук, который свидетельствовал о сильном воздействии искусства на его неокрепшую душу. Илюшин благоговейно помолчал.

— Тигры... — повторил он наконец с неопределенной интонацией. — Что ж. Допустим. А это...

Он не без трепета отодвинул лист, и открылась фотография второй картины.

— Ой, котик! — обрадовался Макар.

Бабкин задавил рвавшийся наружу звук и просто смотрел во все глаза на котика.

— Игорь Матвеевич назвал эту работу «Владыка мира», — сказала Анаит. — На ней изображен снежный барс.

Владыка был плох. Тело его равномерно покрывали сиене-зеленые пятна.

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

— Болеет котик, — с жалостью констатировал Илюшин.

— Это окрас! — возразила Анаит. — Колористическое решение свидетельствует о переосмыслении традиционных образов и уходе в авангардизм для усиления изобразительного воздействия полотна.

Воздействие полотна невозможно было отрицать. Бабкин подумал, что нужно увеличить сумму ежемесячного взноса в приют для бездомных кошек. Илюшин вспомнил, что у него в холодильнике заплесневел кусок голландского сыра.

Обе картины были оформлены в помпезные рамы: старое золото, обильная вычурная лепнина. Финтифлюшка на загогулине, как выразился позже Бабкин.

Именно эти загогулины и подтолкнули Илюшина к окончательному решению. Он взглянул на Анаит и сообщил, что они согласны взяться за расследование. Оплата составит...

И назвал такую сумму, что Бабкин пошел пятнами и стал неотличим от владыки мира.

Тем временем Илюшин невозмутимо присовокупил, что половина этой суммы в любом случае останется у них вне зависимости от исхода дела.

Только на таких условиях они берутся за поиски тигров и, господи прости, барса. «Господи прости» Макар не произнес вслух, однако оно повисло в воздухе.

Анаит не смутилась. Ответила, что этот вопрос она должна согласовать с Игорем Матвеевичем, и вышла позвонить на лестничную клетку.

— Ты барса собрался искать или похищенную английскую королеву? — тихо спросил Бабкин. — Сантехнический магнат не раскошелится на такие деньжищи.

Илюшин только усмехнулся в ответ.

Пять минут спустя Анаит вернулась и сообщила, что получила разрешение от Бурмистрова подписать договор на предложенных условиях.

ТИГРОВЫЙ, ЧЕРНЫЙ, ЗОЛОТОЙ

— Пора провести рекогносцировку, — сказал Макар и спрыгнул с подоконника, на котором сидел, рассматривая с двадцать пятого этажа свой двор.

— Ты поедешь со мной в музей? — удивился Сергей.

— Нет, в музей ты отправишься один. А я планирую встретиться с господином Ясинским. Мне очень хочется узнать, во сколько глава Имперского союза оценивает пропавшие картины.

Час спустя Сергей Бабкин подходил к скромному двухэтажному зданию музея в переулках за Бульварным кольцом, а Макар Илюшин — к высокому дому недалеко от парка.

Адам Брониславович Ясинский встретил его на лестничной клетке. Илюшин с первого взгляда определил, что Ясинский — не из тех людей, которые выбегают к гостям, и сделал закономерный вывод, что Адам Брониславович в нем, частном сыщике, чрезвычайно заинтересован.

Вывод этот подтвердился сразу же.

— Есть какие-то новости? — спросил Ясинский, и взгляд его выпуклых черных глаз сделался умоляющим. — Здравствуйте!

Илюшин с удивлением ответил, что об исчезновении картин он узнал только два часа назад.

— Да-да, конечно, конечно... Прощу вас, проходите.

Ясинский суетился и нервничал. Илюшин вспомнил тигров с барсом и озадачился еще больше.

— Вот сюда проходите, вот сюда... Простите, забыл, как вас по имени-отчеству?

— Макар Андреевич.

— Очень рад, Макар Андреевич!

Илюшина провели в светлую, с большим вкусом обставленную гостиную. Книжки, картины, китайские вазы... Взгляд Макара остановился на бронзовой скульптуре: мальчик, заносающий острогу над рыбой. Тонкий, легкий,

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

с мускулистыми ногами. Скульптор поймал и движение — за мгновение перед ударом, и странно-неподвижное выражение лица, на котором жили одни глаза.

Молчаливая домработница поставила перед ним чай и тарталетки, наполненные икрой.

— Взял на себя смелость... — бормотал Ясинский. — Надеюсь, не откажетесь...

На свету Макар разглядел его как следует.

Ясинский был благообразен и, пожалуй, даже величественен. Среднего роста, он казался выше из-за прекрасной осанки. Умные темные глаза смотрели на собеседника с печальным пониманием. Голос у него, когда он успокоился, приобрел мягкую звучность, словно Ясинский привык проповедовать с амвона; к этой ассоциации подталкивала и растительность на его лице: усы и светло-русая, густая, вьющаяся борода.

— Прошу вас, угощайтесь, не обращайтесь на меня внимания, — попросил он. — Мне кусок в горло не лезет. Я чувствую себя виноватым в том, что случилось, хотя формально моей вины и нет.

— Адам Брониславович, расскажите, пожалуйста, о самом художнике.

— О Бурмистрове?

Илюшину показалось, что взгляд Ясинского метнулся в сторону.

— Да, о нем. Что он за фигура?

И тут Адам Брониславович сделался очень осторожен. Он рассказывал, словно нащупывал тропинку в топком болоте. «Да, непрофессиональный художник... Не имеет соответствующего образования. Мы, знаете, объединяем любителей, самородков, так сказать. В нашем союзе сложился уникальный уровень, мы в достаточной степени отошли от затертого классицизма и в то же время в своем новаторстве не пересекли границу, за которой начинается самолюбование и пустые поиски... Мы остались со своим зрителем, это один из главных наших постулатов, кроме очевид-

ТИГРОВЫЙ, ЧЕРНЫЙ, ЗОЛОТОЙ

ного — свободы самовыражения, конечно... И у Игоря Матвеевича в высшей степени имеется эта свобода...»

Илюшин ничего не понял. В чем и признался, глядя в печальные черные глаза Ясинского.

Тот с сожалением развел руками.

— У Бурмистрова есть враги в вашей среде? — зашел Макар с другой стороны.

— Ни в коем случае! — вскинулся тот. — Что вы, что вы! Мы как раз и отличаемся теплейшими отношениями внутри коллектива. Изначально я строил на этом свою деятельность. Поддержка, тепло, взаимопомощь... Видите ли, художники — исключительно уязвимые создания, по сути своей это дети, талантливые дети.

Одно из таких уязвимых созданий не моргнув глазом согласилось заплатить им несусветный гонорар.

— Значит, врагов нет. Недоброжелатели? Завистники?

— Категорически отрицаю! Никто из наших...

— А что насчет Амстердама? — начал Макар и вновь заметил, как Ясинский дрогнул. — Отчего вы выбрали именно картины Бурмистрова?

— За свежесть и незашоренность взгляда. Это как раз тот уровень, с которым не стыдно выходить на западный рынок — а покупатели там, поверьте, оч-чень переборчивы, избалованы, я бы даже сказал. Галеристы постоянно ищут что-то новое, они жаждут удивлять. С этой точки зрения работы Бурмистрова идеальны. — Он с раздражением отмахнулся от домработницы, попытавшейся налить ему чай. — Невозможно выразить, как много потерял союз, когда картины исчезли. Я рассматриваю это как личную утрату.

— Во сколько бы вы их оценили, Адам Брониславович?

— Не могу сказать. — Ясинский покачал головой. — Поездка в Амстердам нужна в том числе для того, чтобы мы могли ориентироваться по рынку европейских цен. Я вас умоляю, сделайте все возможное, чтобы найти полотна. Если вопрос в средствах...